

UNITED WISDOM

Причина и совпадение: как не перепутать объяснение с историей

Мир и сознание

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W22 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Причина и совпадение: как не перепутать объяснение с историей

Эпиграф

Но время и случай случаются со всеми ними.

Екклесиаст 9:11, собственный перевод UW через KJV. Короткое окончание предложения о пределе результатов быстроты, силы, мудрости и умения; не утверждение бесполезности усилия или сообщение вероятности.

О чём эта статья

История легко соединяет два события: сначала появился знак, потом случилось желанное. Объяснение требует ещё одного шага — показать, почему события связаны именно так. На вымышленном примере возвращённой книги мы рассмотрим порядок, другую версию, общее условие, сравнение и неудобный случай. Ограниченные места Юма, Милля, Бэкона, Аристотеля и Екклесиаста дают разные опоры; они не складываются в единую теорию совпадений. Личное значение неожиданной встречи сохраняется, даже если её причина неизвестна. Оно также не становится без нового основания обещанием результата другому. Статья помогает различить описание, объяснение и выбор действия. Добровольная практика в конце касается одного обычного рассказа, без эксперимента над людьми, подсчёта вероятностей или решения профессионального вопроса.

I. Сначала произошло одно, потом другое

На столе домашнего читательского кружка лежит карточка: «Возвращённые книги оставляйте здесь». На следующий день появляется книга, которую долго не могли найти. Кто-то говорит: «Карточка сработала». Начало и конец истории видны, а переход пока нет. Возвращавший мог прочитать записку, мог заранее собираться принести книгу или получить сообщение ведущего независимо от карточки. Мы не знаем его пути только потому, что наблюдали порядок событий. Это вымышленный пример, а не отчёт об исследовании поведения. Он позволяет отделить два утверждения: книга появилась после карточки; книга появилась благодаря карточке. Первое относится к последовательности, второе предлагает объяснение. Чтобы перейти между ними, нужно назвать основание, а не только повторить рассказ с более уверенной интонацией.

Та же история может быть рассказана с другим акцентом: «Как удивительно, что книга нашлась именно тогда, когда мы приготовили для неё место». Здесь человек выражает отношение к совпадению. Оно может быть ему дорого независимо от причинного объяснения. Но если из этого сделать правило «подготовленное место всегда возвращает потерянное», появляется новое утверждение о действии мира. У него другая обязанность: показать, почему оно должно распространяться за пределы данного рассказа. Мы не запрещаем радость или образное описание. Мы различаем сообщение о событиях, личный смысл и претензию объяснить результат. Они могут соседствовать в одном разговоре, однако не становятся одним и тем же оттого, что звучат в одной красивой фразе.

Полезно сначала описать событие настолько точно, насколько оно действительно известно. Не «книга вернулась сама», если её кто-то принёс. Не «все поняли правило», если известен только один возвращённый том. Не «карточка изменила отношения», если наблюдали лишь появление предмета на столе. Такое описание не обедняет жизнь: оно сохраняет место для того, чего мы пока не видели. Может оказаться, что карточка действительно помогла. Может быть, она только обозначила удобное место для уже решённого действия. Может быть, мы узнаем другое объяснение. На этом этапе важно не выбрать заранее самый скромный или самый впечатляющий ответ, а не включить неподтверждённый переход в описание так, будто он уже является наблюдаемой частью события.

II. Юм: знакомая связь не видна в одном предмете

В IV разделе «Исследования о человеческом разумении» Юм различает отношения идей и вопросы о фактах, затем спрашивает, откуда мы знаем связь причины и действия. В прочитанных §§20–24 он обращается к опыту и показывает, что новые предметы не раскрывают возможных действий одним видом своих свойств. Знакомство с повторяющимися событиями может скрывать то, что мы научились ожидать связь, а не увидели её заранее в понятии. Это историческое философское рассуждение на английском языке, в редакции Селби-Бигга 1902 года. Оно не означает, что рассуждать о причинах бессмысленно или что любое объяснение равно любому другому. Наш пример с карточкой — авторское сопоставление, не иллюстрация, написанная Юмом. Юм, IV, часть I, §§20–24.

Карточка кажется понятным действием: текст прочли, правило узнали, предмет оставили. Однако в этой цепочке несколько разных условий. Карточку нужно заметить, понять, связать со своей книгой и выбрать действие, которое подходит обстоятельствам. Возможно также, что правило уже было известно. Одно появление книги не сообщает, какой участок цепочки состоялся. Если возвращавший сам говорит, что увидел карточку

и поэтому принёс том, его сообщение становится новым свидетельством о данном эпизоде. Оно заслуживает собственного рассмотрения, но ещё не показывает, как поступят все участники или насколько часто записка будет помогать. Человеческое объяснение действия важно именно в его конкретном масштабе. Мы не должны незаметно превращать один понятный рассказ о намерении в универсальное свойство любой карточки.

Ожидание будущего результата также требует своего размера. Можно сказать: «Такая карточка иногда может напомнить о месте возвращения», не утверждая, что она всегда найдёт потерянное. Уточнение кажется менее ярким, но соответствует предполагаемому действию текста. В нашем примере карточка сообщает расположение стола, а не создаёт возможность прийти, освобождает время или устраняет любую причину задержки. Это различие не доказывает её бесполезности. Оно позволяет не обвинять человека, если книга не появилась: мы не знаем всех условий его поступка. Объяснение, которое не удерживает ограничений собственного средства, может стать незаметным требованием к другому. Тогда неудачу средства приписывают недостаточной внимательности или благодарности получателя, хотя для такого вывода тоже понадобились бы самостоятельные основания.

III. Другая версия и общее условие

Предложить другую версию — ещё не доказать её. Фраза «он всё равно собирался прийти» может быть разумным вопросом, но без сведений остаётся предположением. Она полезна потому, что показывает: имеющийся рассказ допускает больше одного пути. Мы можем проверить, было ли принято решение о возвращении раньше, или честно оставить эту часть неизвестной. Иногда информации не получить, и это не разрешает выбрать удобную догадку как факт. Для нашего примера достаточно разделить наблюдение, названное самим участником намерение и версию наблюдателя. Их основания различаются. Такой разбор не требует подозревать любое сообщение во лжи; он требует не приписывать сообщению то, чего оно не содержит, и не выдавать возможный ответ за уже полученный.

Два события могут зависеть от третьего условия. Предположим, ведущий заранее объявил встречу и попросил принести книги. Он же приготовил карточку на столе. Теперь возвращение и карточка оказались рядом во времени потому, что оба связаны с подготовленной встречей. Возможно, карточка дополнительно помогла найти стол, но простая последовательность этого не устанавливает. Это авторский пример общего условия, а не разоблачение любого похожего совпадения. Мы не утверждаем, что третье условие всегда существует или что оно отменяет участие карточки. Мы лишь видим, какой вопрос требуется: что ещё изменилось вместе с замеченным действием? Нельзя

считать прежними все обстоятельства только потому, что в коротком рассказе названы два. Рассказ обычно выбирает часть событий; объяснение должно знать предел этого выбора.

Есть и вопрос о направлении связи. Карточку могли написать потому, что узнали о предстоящем возвращении книги и хотели подготовить место. Тогда ожидаемое событие повлияло на подготовку карточки, хотя сама книга физически появилась позже. Временной порядок предметов не показывает порядок решений. Иногда подробный разговор прояснит его, иногда нет. Не нужно сводить любой выбор людей к одной стрелке причины. Но если мы всё же утверждаем определённый переход, сведения о замысле и подготовке относятся к нему. В нашем примере уточнение может оставить сразу два ограниченных результата: место было подготовлено заранее; возвращавший воспользовался им. Эти результаты совместимы и не обязаны объединяться в более широкую легенду о том, что нужная надпись неизбежно вызвала всё произошедшее.

IV. Милль: сравнение требует условий

В третьей книге «Системы логики», VIII, §§1–2, Милль рассматривает методы сходства и различия. Для различия он требует сравнимых случаев, отличающихся рассматриваемым обстоятельством; в окружающем тексте обсуждает трудность знать все существенные условия. Прочитана историческая восьмая редакция 1882 года, а не нынешний учебник причинного анализа. Для темы важно требование к сопоставлению: два похожих рассказа ещё не становятся двумя одинаковыми случаями. Мы не переносим схемы Милля как готовый способ экспериментировать с людьми и не принимаем его старые примеры за современную проверку науки. Короткое описание карточки может породить вопрос о сравнении, но оно не выполняет все условия строгого вывода лишь потому, что мы записали два результата рядом. Милль, III.VIII, §§1–2.

Если в одном кружке книгу вернули после карточки, а в другом без карточки не вернули, различаться могли ещё расписание, договорённость и возможность прийти. В рассказе эти условия легко исчезают, потому что интересна именно карточка. Сравнение требует вернуть их в вопрос. Мы не можем объявить два случая одинаковыми, просто не упомянув различия. Даже две встречи одной группы могут отличаться: на первой люди пришли, на второй кто-то отсутствовал; на одной карточка была заметна, на другой закрыта бумагой. Эти возможности не являются установленными причинами. Они показывают, что для вывода нужна работа, которую короткий пересказ не проделал. Иногда вместо собственного сравнения уместнее узнать доступный профессиональный разбор или ограничиться описанием данного эпизода, не обещая открытия общего закона.

Важно также назвать, что именно считается результатом. Книга появилась на столе; возвращавший нашёл место; участники стали чаще возвращать книги вовремя — три разных утверждения. Карточка могла быть связана со вторым, не объясняя первое и не устанавливая третье. Если из удобного расположения перейти к общей своевременности, вопрос меняется. Нельзя считать этот переход мелочью только потому, что всё относится к книгам. В нашем примере можно обсуждать понятность подписи без исследования всех возвратов. Для более широкого утверждения нужны другие сведения и подходящий способ рассмотрения. Это не требование проводить серьёзное исследование перед каждой бытовой запиской. Это требование к тому, что мы называем подтверждённым результатом: масштаб утверждения должен оставаться связанным с действительно сделанной проверкой.

V. Неудобный случай не должен исчезнуть

Бэкон в I.46 «Нового Органона» рассматривает, как принятое положение собирает подтверждения и обходится с противоречащими случаями. Этот полный афоризм с соседним контекстом прочитан в текущей работе; используется прежний английский перевод из издания Collier 1902 года под редакцией Джозефа Деви, имя переводчика не установлено. Мы не превращаем историческое наблюдение Бэкона в измеренную модель поведения каждого человека. Для темы оно даёт вопрос к подбору рассказов: остались ли в поле зрения случаи, которые не поддерживают выбранное объяснение? Само наличие такого случая ещё не решает любую сложную теорию. Нужно знать, что она утверждает и какие условия в нём выполнены. Но неудобный материал нельзя исключить только потому, что без него рассказ получается убедительнее. Бэкон, I.46.

В кружке могли помнить только два возвращения после карточки, хотя книги приносили и раньше, а некоторые не принесли после её появления. Если эти сведения действительно доступны, они относятся к общему утверждению о карточке. Не следует придумывать их ради возражения. Можно задать вопрос и получить ответ «не записывали». Тогда общего сопоставления у нас пока нет. Важно различить отсутствие заметных неудач и сведения об их отсутствии. Первое может означать лишь, что никто их не искал. Но и отсутствие записи не доказывает неэффективности. Рассмотрение оставляет обе границы: подтверждённый успех не расширяется автоматически, а неизвестная часть не объявляется провалом. Мы можем ценить удобную записку, сохранив незавершённым вопрос о том, изменяет ли она все возвраты или только часть конкретных действий.

Сила противоречащего случая зависит от формулировки. Одно невозвращение оспаривает «карточка всегда обеспечивает возврат», если нужные условия действительно соблюдены. Оно не отменяет «некоторым людям карточка помогла найти место», когда это известно отдельно. Можно уточнить вывод, не пряча случай и не

объявляя всю работу бесполезной. Однако уточнение должно быть явным: если после возражения мы незаметно заменили «всегда» на «иногда», читатель вправе увидеть изменение. Новый, более узкий вывод может быть разумным, но его нельзя выдавать за неизменное подтверждение первоначального сильного обещания. В нашем разговоре честное исправление оставляет возможность продолжать пользоваться карточкой и говорить о ней в действительном масштабе. Необходимость поддерживать красивую историю уже не должна управлять тем, какие события допускаются в объяснение.

VI. Аристотель: случайное относительно цели

В «Физике», II.5, Аристотель приводит человека, который собирает деньги на пир. Тот приходит в определённое место по другой причине и попутно получает деньги. Случайность здесь касается отношения результата к цели прихода; намеренное посещение ради сбора было бы другим случаем. Это рассуждение о побочной причине в исторической целевой рамке, в переводе Р. П. Харди и Р. К. Гей. Оно не является современной теорией вероятности. Для статьи важно, что слово «случайно» не обязательно означает «никаких причин нет». Мы не переносим древнее различение на каждый нынешний случай как готовый ответ; оно помогает заметить, по отношению к какому вопросу событие названо случайным. Аристотель, «Физика», II.5.

В нашем кружке человек мог прийти обсудить текст и заодно вспомнить о книге в сумке. Возвращение не было целью прихода, но совершённое действие имеет доступное объяснение: книгу принесли и положили на стол. Совпадение встречи, карточки и находки не обязательно содержит неизвестную управляющую силу. При этом мы не вправе объявить именно эту версию фактом без сведений. Понятная возможность показывает только, что слово «совпадение» не прекращает рассмотрения. Можно спросить о намерении, об условиях и о том, что произошло между замеченными моментами. Можно также оставить подробность неизвестной, если она не нужна участникам. Не каждое обычное событие требует расследования. Но если из него выводят общий закон, предел известных обстоятельств снова становится существенным.

В разговоре слово «случайность» иногда служит ответом на разные вопросы: не было плана, не было ожидаемого результата, не известна причина или нельзя обещать повторение. Эти значения следует различить. Если человек не планировал возвращение, это не доказывает, что повторение невозможно. Если причина неизвестна наблюдателю, это не доказывает отсутствие намерения у участника. Если результат редок, это не делает его личный смысл недопустимым. Мы не предлагаем новое всеобщее определение случая вместо всех прежних. Мы уточняем собственную фразу. Можно сказать, что встреча оказалась неожиданной для нас, и не присваивать этим знание о полном устройстве мира. Такое уточнение оставляет место и для дальнейшего

объяснения, и для простого удивления, которому не требуется становиться универсальной причинной теорией.

VII. Значение не подменяет объяснения

Екклесиаст 9:11–12 сопоставляет силу, быстроту, мудрость и умение с непредсказуемыми временем и случаем. Прочитан весь короткий отрывок в KJV; он сохраняет религиозный горизонт книги и образ внезапной беды. Из него не следует, что усилия ничего не меняют или что любое совпадение является знаком с заранее известным сообщением. Для нашего вопроса важен предел обещания результата только из качества человека. Это сопоставление смысла и неизвестности, не подсчёт вероятности и не метод определения причин. Современные выводы о внимании к чужим условиям и об отказе обвинять человека формулирует статья; они не выданы за буквальное продолжение стиха. Екклесиаст 9:11–12, KJV.

Возвращённая книга может напомнить участнику о давней дружбе. Он вправе назвать встречу важной и сохранить рассказ о ней. Для этого не обязательно доказать, что карточка управляла событием. Когда же личное значение используется как основание предсказывать чужие поступки, нужен новый переход. «Для меня это стало напоминанием» не равняется «всем следует делать так, чтобы получить такой же результат». Можно оставить первое утверждение полноценным, не требуя второго. Мы не должны защищать личный смысл выдуманным доказательством, как будто без него событие перестанет быть дорогим. Не следует и отвергать рассказ о дорогом событии только потому, что он не является причинным исследованием. Различение позволяет слушать человека в том жанре, который он действительно предлагает, и уточнить жанр, если его предложение меняется.

То же относится к духовному истолкованию. Человек может описать событие внутри собственной веры; статья не решает за него его религиозный вопрос. Но такое описание не превращает наблюдаемый порядок автоматически в доказанный механизм и не даёт права обещать результат другому. Если предлагается практическое действие ради определённого эффекта, основания этого обещания должны быть названы в своей области. Неизвестная причина не подтверждает любую выбранную версию. Неподтверждённая версия также не показывает, что у события вообще не может быть смысла. Мы сохраняем эти две границы одновременно. Тогда уважение к вере не требует скрыть предел свидетельства, а внимание к свидетельству не требует унижать веру или навязывать собеседнику окончательный ответ о том, как он должен понимать собственную жизнь.

VIII. Узнать больше, не превращая человека в средство

Если вопрос о карточке действительно важен группе, можно начать с доступного уточнения: возвращавший хочет рассказать, как нашёл место? Он может ответить, отказаться или не помнить. Отказ не подтверждает ни одну версию и не требует давления. Нельзя тайно переставлять вещи или скрывать сведения, чтобы проверить реакцию другого, а затем оправдать это интересом к причинности. Наш пример не является разрешением на исследование людей. Мы можем рассмотреть собственные наблюдения, открыто предложить изменение общего порядка и согласовать участие. Если нужен надёжный вывод о многих людях, это задача другого масштаба, требующая подходящего профессионального метода и условий. Бытовой вопрос не даёт нам автоматически ни компетенции, ни полномочий, ни права использовать чужое время и личные сведения как материал.

Иногда карточку разумно оставить без общего доказательства её эффективности: она понятна участникам, не мешает и обозначает выбранное место. Тогда основание решения — договорённость о порядке, а не подтверждённый закон возврата книг. Такое объяснение следует произнести прямо. Если же карточка создаёт путаницу или превращается в упрёк отсутствующим людям, обстоятельства изменились. Можно обсудить другую форму. Недоказанность широкого эффекта не запрещает всякое обратимое действие; она ограничивает обещание, которое мы даём вместе с ним. Наш пример касается только простого согласованного обозначения места. Его нельзя переносить на здоровье, деньги, безопасность или иное значимое решение, где цена ошибки и нужная компетенция другие. Сохранить карточку и утверждать, что она доказанно изменяет поведение всех, — два разных поступка.

Когда мы пересказываем результат, полезно назвать происхождение сведений. «Я видел книгу на столе» отличается от «участник рассказал, что заметил карточку» и от «мы предполагаем, что она напомнила». Все три фразы могут быть уместны, если сохраняют собственный статус. Не следует убирать слова «рассказал» или «предполагаем» ради гладкости текста. Их исчезновение повышает силу утверждения без новой проверки. Также не стоит приписывать общему обсуждению согласие всех, если часть людей отсутствовала. Рассказ остаётся понятным, когда читатель видит, что наблюдалось, что сообщено другим и что ещё является версией. Это позволяет продолжить вопрос без необходимости заново разрушать впечатление, будто прежний пересказ уже установил полный путь от начала к результату.

IX. История может остаться историей

В завершённом пересказе можно оставить несколько строк: карточку поставили; на следующий день книгу принесли; возвращавший не сообщал, повлияла ли записка на его решение. Или добавить его добровольное сообщение, если оно есть. Мы не обязаны закончить эффектным причинным выводом. Открытый переход — содержательное ограничение, а не провал рассказа. Он показывает, где именно сведения кончаются. Если позднее появится подходящий ответ, версия может измениться. Если нет, участники всё ещё вправе пользоваться столом, вспоминать встречу и ценить возвращение вещи. Неполное причинное знание не отменяет весь состоявшийся эпизод. Оно отменяет лишь право описывать непроверенную часть как уже выясненную и распространять её на другие ситуации без дополнительных оснований.

Наши первичные опоры оставляют разные вопросы. Юм рассматривает опытное основание причинного знания; Милль — условия сравнения; Бэкон — отношение к неудобному материалу; Аристотель — случайное в целевой рамке; Екклесиаст — предел обещаний силы и умения перед временем и случаем. Они не составляют общей доказанной теории совпадений. Сопоставление построено статьёй, чтобы читатель мог различить последовательность, объяснение, значение и решение. Эти различия не требуют холодного отношения к жизни. Они позволяют точнее говорить о том, что радует или удивляет, сохраняя неизвестность там, где она действительно есть. Результат не становится менее реальным оттого, что мы не приписали ему заранее выбранную единственную причину. Его место в жизни и основание общего обещания остаются разными вопросами.

Когда в следующий раз хочется сказать «это произошло благодаря тому», можно остановиться на размере утверждения. Что известно о связи, что допускает другое объяснение, кто сообщил об условии и относится ли вывод только к этому случаю? Ответ может подтвердить ограниченное участие причины, оставить несколько возможностей или признать, что подробность не исследована. Ни один из этих исходов не требует отменить личный смысл встречи или заменить его всеобщим скепсисом. Мы можем сохранить историю и дать объяснению отдельную работу. Тогда полезная записка остаётся полезным предложением, неожиданное возвращение — состоявшимся событием, а открытый вопрос — возможностью дальнейшего понимания. Уверенная связка между ними появляется лишь там, где для неё действительно есть названное основание, доступное рассмотрению другим читателем.

Что это значит на практике

Если хотите, выберите один обычный рассказ, в котором одно событие названо причиной другого. Можно использовать вымышленную карточку и возвращённую книгу. Не берите срочное решение, здоровье, безопасность, деньги или чужую личную историю. Это добровольное рассмотрение речи, не проверка способности человека понимать мир.

Запишите отдельно, что действительно наблюдалось, что сообщил участник и что пока предложено как объяснение. Сохраните слова «возможно» и «предполагаем», если они относятся к сведениям. Затем назовите, какого перехода требует причинное утверждение: событие вызвало результат, помогло отдельному действию или лишь оказалось раньше? Не расширяйте результат до всего поведения людей.

Предложите одну другую возможность и одно условие, которое могло измениться вместе с замеченным действием. Не объявляйте эти версии фактами и не придумывайте неудачи для возражения. Если доступных сведений недостаточно, оставьте вопрос. Не проверяйте других людей тайно и не требуйте рассказа, который они не хотят давать.

В конце различите значение события для вас и основание общего объяснения. Можно сохранить дорогую историю без доказанного механизма. Если выбираете простое обратимое действие, назовите его настоящее основание и условия согласия, не обещая неподтверждённого эффекта. Запись можно завершить без действия. Такая практика не гарантирует верности вывода и не заменяет подходящего профессионального исследования.

Ключевая цитата

> *Причины и действия обнаруживаются не рассуждением, а опытом.*

Юм, «Исследование о человеческом разумении», IV, часть I, §24. Собственный перевод UW с английского оригинала. Короткая часть предложения; её контекст различает рассуждение a priori и опыт, а не запрещает рассуждать о причинах.

Связи между традициями

Опора	Вопрос статьи	Сохраняющийся предел
Юм, IV, §§20–24	Откуда известно причинное отношение?	Опытное основание не означает бесполезности рассуждения
Милль, III.VIII, §§1–2	Действительно ли сравнимы случаи?	Историческая схема не заменяет современного исследования и согласия
Бэкон, I.46	Остался ли неудобный материал?	Один случай не отменяет автоматически всякое сложное объяснение
Аристотель, «Физика», II.5	Случайное по отношению к какой цели?	Целевая рамка не является нынешней теорией вероятности
Екклесиаст 9:11–12	Что ограничивает обещание результата?	Религиозный текст не доказывает бесполезности усилия или известного знака
Авторская рамка UW	Описание, объяснение, значение и решение	Вымышленная история и практика не доказывают эффективности

Первоисточники

1. Юм, «Исследование о человеческом разумении», IV, часть I, §§20–24. Английский оригинал; редакция Л. А. Селби-Бигга 1902 года на основе посмертного издания 1777. От различения идей и фактов до опыта причин; не вся книга. RU ключевая цитата — собственный перевод с оригинала.

2. Милль, «Система логики», III.VIII, §§1–2. Английский оригинал, восьмая редакция, Harper & Brothers, 1882. Сходство и различие с предшествующим обсуждением наблюдения и началом §3; историческая программа не современный протокол.

3. Бэкон, «Новый Органон», I.46. Полный афоризм и соседний контекст; исторический английский текст Collier, 1902, редактор Джозеф Деви, переводчик неизвестен. Отношение к противоречащему случаю, не измеренная модель каждого человека.

4. Аристотель, «Физика», II.5. Английский перевод Р. П. Харди и Р. К. Гей. Полная часть о случайном, с переходом от II.4 и началом II.6; пример сбора денег на пир. Целевая рамка не является современной физикой или теорией вероятности.

5. Екклесиаст 9:11–12. Полный короткий отрывок, King James Version. Религиозный предел результата и времени, не вероятность и не отказ от усилия. RU эпиграф — собственный перевод через английскую версию, не с еврейского.

Теги

причина, совпадение, объяснение, история, последовательность, свидетельство, наблюдение, опыт, намерение, условие, сравнение, другая версия, неизвестность, результат, проверка, пересмотр, контекст, личный смысл, вера, согласие, решение, граница, выбор, случай, цель, книга, Юм, Милль, Бэкон, Аристотель, Екклесиаст, философия

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.